

УКРАИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР У КИТАЙСКИХ РУССКИХ МАНЬЧЖУРИИ¹

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ КЛЯУС

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

***Аннотация.** В статье рассматриваются украинские по происхождению фольклорные тексты, записанные автором от «китайских русских», проживающих в городском округе Эргуна Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР, который исторически называется Трёхречье. По воспоминаниям пожилых китайско-русских метисов и русских из трёхреченских сёл, основанных забайкальскими казаками, и посёлков КВЖД, когда-то среди них действительно жили этнические украинцы. Немногочисленные сказочные и легендарные повествования, песни, а также отдельные элементы в семейной и календарной обрядности, эволюционно восходящие к украинской народной традиции, свидетельствуют, что в этногенезе «китайских русских» (официально признанной сегодня одной из малочисленных национальностей КНР), хотя и в незначительной степени, но всё же принимали участие и выходцы с малороссийских земель Российской империи, оказавшиеся в начале XX столетия на сопредельных с Китаем приграничных территориях, а затем и в самом Китае.*

***Ключевые слова:** Китай, Трёхречье, китайские русские, украинский фольклор, сказки, легендарные повествования, песни.*

Национальное меньшинство «китайские русские» Китая проживает компактно в двух регионах: в Хулунбуирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия и Синьцзян-уйгурском Автономном районе. При общем сходстве обеих групп (представители национального меньшинства в АРВМ и СУАР — потомки русско-китайских браков, метисное население во втором и последующих поколениях), между ними есть принципиальное различие, связанное с историей русского компонента, положившего начало формированию «китайских русских» как современного национального меньшинства КНР. В свою очередь, это определяет

и диалектные различия в языке, обрядовых традициях и фольклорном фонде «китайских русских» АРВМ и СУАР.

Первоначально русские Синьцзяна и русские Маньчжурии — это эмигранты, оставшиеся жить в Китае или ушедшие в Китай в 1920–1930-х гг. по политическим, экономическим, религиозным причинам после установления в России советской власти. Но в Синьцзяне в основном оказались выходцы из европейской части России, Западной Сибири и Алтая, а значительное число русского населения Маньчжурии — из Восточной Сибири и с Дальнего Востока. Правда, здесь необходимо оговориться, что была

¹ Работа написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00493 «Русский фольклор на китайском языке в Северной Маньчжурии: исследование и тексты».

и определённая разница между сельским и городским населением Маньчжурии. Города Харбин, Хайлар и др. были пёстрыми по своему составу в плане происхождения. А вот в сёлах, жители которых обеспечивали себя, работая на земле, преобладали эмигранты из восточносибирских и дальневосточных казачьих станиц, сёл и деревень. При этом, как показывают полевые данные, в них также оседали и «европейцы». Так, по словам Устины Ивановны Кустовой (1927 г.р.), в деревне Лабдарин (в наст. вр. — город Эргуна) в 1940-е гг. проживало четверо воткинцев, участников Воткинского восстания [ФК ИМЛИ 2016]. Вероятно, и в Синьцзян попадали «дальневосточники». Но понятно, что не они определяли общий культурный фон, качество и характер «принесённого» из России эмигрантского наследия, в том числе и фольклорного.

Есть и ещё одна отличительная особенность: заселение Маньчжурии русскими началось задолго до событий 1917 г. и последующей за ними Гражданской войны. Первоначально оно носило добровольный характер со всеми вытекающими последствиями общего благополучия быта и жизни в новообразованных посёлках и городах «Желтороссии». В Синьцзяне русских в данный период было ещё мало, как правило, это были представители торговых компаний. Основной поток русского населения сюда хлынул после 1918 года — полки атаманов А. И. Дутова, Б. В. Аненкова, генерала А. С. Бакича и других руководителей Белого движения, нередко с боями прорывавшиеся через границу (см.: [Наземцева 2010]). В тяжёлые 1920-е гг. участники Гражданской войны на его стороне в Сибири и на Дальнем Востоке уходили в Маньчжурию также с оружием в руках, но, к примеру, у забайкальцев была возможность забрать в Китай своих родных, часть нажитого имущества, «капитал» (лошадей, коров, баранов).

Если можно так сказать, основной переселенческой «единицей» в сельские районы Маньчжурии была семья, а в Синьцзян — вооружённый отряд. Именно поэтому в Барге (территория которой частично совпадает с современным Хулунбуирским аймаком АРВМ) у забайкальцев не терялись их прежние социальные связи: семейные, дружеские, поселковые;

нередко они обосновывались рядом с родственниками, со знакомыми. А для многих русских пришедших в Синьцзян наиболее значимой социальной связью было боевое братство, принадлежность к определённому войску и даже точнее — подчинённость конкретному командиру, пользовавшемуся у них авторитетом.

В конечном счёте, это сыграло определяющую роль в характере принесённой с собой культуры. В посёлках на правом берегу Аргуни (в так называемом Трёхречье) и на примыкающей к нему линии КВЖД доминирующее положение занимала традиция русского населения Восточного Забайкалья. Сегодня их потомки, проживающие как в Хулунбуирском аймаке КНР, так и в Австралии, России, Казахстане — это носители забайкальского фольклора. А вот для Синьцзяна ни одна из локальных фольклорных традиций России, по-видимому, не является материнской. Здесь встречались элементы традиций очень разных регионов, но главное — отсутствовала социальная структура «больших» семей, которая бы способствовала сохранению и трансляции своих традиций.

Общая численность русского населения в Барге в 1930 — 1940е гг. неизвестна. Относительно Трёхречья называют цифру в 8–16 тысяч человек [Анучин 1948: 179; Жернаков 1975: 3; Кайгородов 1995: 105]. В этой статистике украинцы безусловно причислялись к русским ввиду своей малочисленности. Ряд моих респондентов вспоминают, что этнические украинцы жили в Караванной, Лабдарине, Верх-Кулях, Попирае, Драгоценке, Усть-Урове, Тэнэхэ, Якишах и других трёхреченских посёлках и на станциях КВЖД.

Антонина Александровна Макарова, 1935 г. р. (в настоящее время проживает в п. Соляное Черлакского р-на Омской обл.) вспомнила о соседке-украинке в Драгоценке: *«Напротив нас соседка жила. Она за Макаровым, это уже однофамильцы. Она украинка. А у ней дети сильно балованы были и нас обзывали. Отец-то у нас какая-то, наверно, помесь есь. Я на отца похожу. Они нас обзывали тунгусятами. А отец пошёл и ей всыпал. “Хохлуша!” — говорит»* <Смеётся> [РГУ 2018].

Семён Иванович Балябин, китайский русский в первом поколении, 1941 г. р.,

рассказывает о Татьяне Сербиянко, которая жила в Караванной:

А почему я её знаю? Она была хохлуша. Вот она. У ей ноги, видимо, болели что ли. Она летом всё в валенках. Вот. Придёт к нам, мама: «Во! Сербиянко в катанках идёт!» Хохлушей была. <...> Она всё к нашей матери ходила. За китайцем была. <...> У ей внучат-то сейчас здесь много.

На мой вопрос, часто ли выходили хохлушки за китайцев, он ответил: *«Выходили! Я многих знаю. В Верх-Кулях там были, здесь [в Караванной — В. К.] были, хохлуши-та, в Драгоценке были <...> Оттудава [из России — В. К.] привезли их всех» [ФК ИМЛИ 2018].*

Надежда Ивановна Мурзина, 1936 г. р., живущая сейчас в Джелонге (Австралия), сообщила, что у них в Тэнэхэ даже была улица хохлацкая: *«Три семьи было. А мы говорили: “Вон, гыт, там, на хохлацкой улице!”»* Павел Васильевич Шахматов из Сиднея назвал их фамилии: Понаморюк, Кондратенко, Нагорный, Дорошенко. По его мнению они были выходцами из Приморья. [ФК ИМЛИ 2016]

Об украинцах в Якишах вспомнил Сергей Георгиевич Колачов, 1936 г. р. (в настоящее время живет в р. п. Черлак Омской обл.): *«На нашей улице Братчинковы жили. Но они, как говорится... Вот, они приехали, ихние родственники на заработки строить КВЖД. Вот эти Братчинковы, у его два брата, на нашей улице они жили».* [РГГУ 2018]

Трагически складывалась судьба Григория Афанасьевича Худенко. Откуда он приехал в Трёхречье, неизвестно. Сначала, видимо, был послушником в монастыре Владимирской Божьей Матери, стоявшему в верховьях реки Ган рядом с посёлком Солнечный, потом стал псаломщиком в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Попирае. Когда все русские стали уезжать из Трёхречья, брат Григорий остался:

Ну, его это, ещё русские жили, обещечивали, — рассказывает Елизавета Ефимовна Фомина (1942 г. р., китайско-русская метиска в первом поколении), — А не знаю, он почему-то никуда не уезжал, один остался, и эта — один жил. <...> Мы, от эта жили не так далёка, вот я как в детстве помню-ка. Утром встанем, в эту, как его, в окошко его видно. Вот он, вот така манерочка. Он ён в каку даль

на Дербул сходит, ага. Воду принесёт. У его тамака в казёнке-та вот эти деревянные таки ипицы набиты и калачики тама всё вешатся. У них же посуда всё навешатся, ага? А у него ни посуды никакого не было. Вот он мёрзлый калачек снимет, на крыльцо сядет, вот из манерочки воду нальёт, холодну воду. А у него в избе ничё нету. А за обогревателем так из досок была эта, нары пола..., построены. На его, у его такое было чёрное пальто. Вот это пальто и чёрная подушка. Большие ничё нету, ни потника, никакого нету. А вечером вот огни загорят, его видно. Вот он эта стоит перед Богом таким фертом, вот так перекрестится. Его видно вот это. Он высокий такой был! Брат Григорий его звали [ИМБТ 2009].

Обращение «брат Григорий», которое осталось в памяти рассказчицы, чёрное пальто, пустая изба, напоминающая келью, жизнь на хлебе и воде указывают, что псаломщик, уйдя из монастыря, продолжал в миру нести послушание.

Когда в 1966 г. в Китае началась культурная революция, жизнь Григория Худенко стала невыносимой: *Его в революцию-то всяко, гыт, ползком всяко водили! За бороду водили, ползком! Он такой высокаяй! Когда появилась возможность, вслед за многими трёхреченцами он уехал в Австралию: Он, грит, потом поехал в этот, как его, в Австралию, до Гонконгу доехал. И это. Другие вот это уже люди рассказывают. Он в резиновых сапогах уехал. А у го ногито, покамест до Гонконгу ехал, у го ногито запухли. В Гонконге-та ему, говрит, разрезали и их снимали [ИМБТ 2009].*

Благодаря этим весьма кратким сведениям становятся ясны основные пути попадания украинцев в Баргу: при строительстве КВЖД, т. е. ещё до событий 1917 г., и после Гражданской войны — из Приморья, где, как известно, было много переселенцев с Украины и из Забайкалья, куда они приезжали работать на золотых приисках. Известно, что именно на приисках массово стали появляться не только первые «русско-китайские» семьи, но и «украино-китайские», где муж — китаец, а жена — украинка.

«Китайские русские» Хулунбуирского аймака, современные потомки «Русского мира» Барги — это носители прежде всего забайкальской фольклорной и обрядовой

традиций. Полевые исследования показывают значительное совпадение фольклорного песенного репертуара, сюжетной составляющей мифологических рассказов, заговорно-заклинательных текстов, народной хореографии, календарных обрядов, похоронно-поминальных обычаев по обе стороны Аргуни, российской и китайской — в Восточном Забайкалье и в городском округе Эргуна Хулунбуирского аймака, компактном месте проживания «китайских русских» АРВМ. Тем не менее, в фольклорной традиции «китайских русских» обнаруживаются отдельные тексты, которые не имеют аналогов в «материнской» традиции — в русском фольклоре Забайкалья. Такие примеры можно привести как среди прозаических, так и поэтических жанров.

В качестве одного из примеров прозаического текста можно указать на повествование об «Андрее Критском» (СУС 931), записанном от нескольких респондентов — этнических русских и китайско-русских метисов Трёхречья. Оно было проанализировано автором в монографии «“Русское Трёхречье” Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры», опубликованной в 2015 году [Кляус 2015: 242–294]. На момент её написания были проведены полевые исследования и в российском Приаргунье: в Нерчинско-заводском, Калганском, Александрозаводском, Приаргунском районах Забайкальского края. В 2015–2017 гг. к ним добавились Забайкальский, Краснокаменский, Газимуро-заводский районы, но следов бытования сюжета об отцеубийце в Восточном Забайкалье не обнаружено. Напомню, что, по мнению исследователей, у восточных славян история на сюжет о царе Эдипе появилась не позднее XVI столетия в западно-русских землях, т. е. на территории современной Украины и Белоруссии [Климова 1983: 38].

Наиболее близкими к трёхреченским повествованиям в сюжетном отношении являются тексты, локализующиеся примерно в регионе, который можно определить как линию, идущую с севера от Смоленской обл. России к югу до Полтавщины и Днепропетровщины, т. е. географически достаточно узкой полосы русско-белорусского (на севере) и русско-украинского (на юге) этнического пограничья. Вероятнее всего, в китайское Трёхречье рассказ

об отцеубийце был принесён именно отсюда, но не напрямую, а через Забайкалье, где он не имел длительного периода бытования и не закрепился в местной традиции.

В своей монографии я отмечал, что от А. А. Михалевой, одной из моих трёхреченских респонденток, зафиксировано уникальное развитие сюжета СУС 931: у матери от сына была дочка, она жила и воспитывалась где-то отдельно. «Отец-брат» встречает её, они женятся. Затем они узнают о своих родственных отношениях, и герой убивает себя и свою дочь-жену.

В одной из записей эта заключительная часть истории звучит следующими образом:

<...> И пришёл, гыт, к своёму отцу к родному под-, подряжаться в работники, матери. Но от подрядился. Ой, они в ём уверелись, но он хорошо жил у их. <...> У его отец поехал, ему наказал: «Кто будет стучать в калитку, ты три раза спросишь — не, не откликатся, ты из винтовки убивай!» А он сколь раз спросил, он ни ра-, ни откликатся, он убил. Убил да своёва этава хозяина. Своёва хозяина убил. Отца — хозяин-та. От потомка-ка, опеть она не знала, мать-то, что это он ей сын. И от она за его ушла. <...> Она, у ей жа маленький ребёнок был. Она ушла потом за его. Вот тебе ребёнок. <...> Девка-то это от, девочка от его была, и девочка эта повстречалась где-то там, в Тине (?) ли где-ли с ём. Где-то повстречалась, на танцах ли и за его ушла, вот. Вот чё! <...> А он потом сам себя прекратил [ФК ИМЛИ 2010].

В 2018 г. удалось выяснить, что в трёхреченском поселке Верх-Кули, где история об отцеубийце точно когда-то бытовала среди русских, современные китайцы рассказывают о таком случае:

А потом он, гыт, отец-то умер. Он не знал, потом с матери, но, эта, жил. (С: А это не знал) С матери жил, потом, гыт, эта, но у его, гыт, ребята, ребёнка родил. Это от матери быдта, сын-та. А потом люди-та узнали, он — от их. (С: Это его братишка!) Ага. Оне ему не говорéли. Но, мать-то ему так-то, оне видно с ём и жили. Жили с этим, с, с сынам-та. Потом, гыт, ребёнка, ребёнок был. А ей, гыт, этот ребёнок-та потом в солдаты ушёл, в солдаты был. В солдаты был, назадъ

потом прие<хал>. <...> А люди-та тут уж все знают. Во, гыт, мать-то с кем живёт, с сыном, гыт, у его никак сын, гыт, родился, это уж от её. <...> Онэ потом эта, он, гыт, эта, взял, взял, видно, винтовка же всё есь. И по-, послушал, люди-то говорят, не браво же ему. (С: Жена-то с сыном живёт) Ага. «Мать-та гыт, смотри-ка с сыном живёт. Ещо ребёнок, ещё». Как? То ли баушкой звать, то ли отцам звать? Как звать? Оне то говорят, друго говорят. Оне, он, гыт, потом взял всех этих, ребёнок, и мать расстрелял и сам потом застрёлился. (С: Всех кончил и сам себя) [ИМЛИ 2018].

Антонина Андреева, китайско-русская метиска в первом поколении, 1944 г. р., пересказала историю, которую слышала от своей верх-кулинской соседки «китайюшки». При всех различиях между «русским» и «китайским» рассказом об инцестуальном браке сына с матерью, главное из которых состоит в том, что в первой истории ребёнок от инцестуального брака сына с матерью — девочка, а во второй — мальчик, есть основание предположить, что уникальное завершение сюжета СУС 931 Анны Михалевой и данная «китайская» история связаны между собой. И если это так, то, скорее всего, последняя эволюционно восходит к западно-русскому по происхождению повествованию, а не наоборот.

Другой пример незабайкальского фольклорного текста у «китайских русских» — сказка на сюжет СУС № 960 «Тайное убийство (Ивиковы журавли)». «История» под названием «Колючка» была записана только от одного исполнителя — Ивана Васильевича Васильева, «патриарха» «китайских русских», который родился на территории России в далёком 1927 г. (к сожалению, он уже ушёл из жизни). В разные годы мной от него было сделано несколько повторных записей этой сказки, которую сам исполнитель за сказку и не считал. Для него это была поучительная, притчевая история из «русской» жизни о любви, смерти и возмездии, которая произошла, якобы, то ли в п. Новотроицк, то ли в п. Сарбагуй (Балейский р-н Забайкальского края). Первый раз, услышав от него в 2007 г., я воспринял её точно так же.

Я тебе ещё и таку зунасловицу рассказывал, не? Нет? Ещо, э, одна, у нас была

тут Су-. Сусанья. Её Сусанья звали русско имя. Су-са-ни-я [произносит по слогам и пишет на бумаге]. Она из, из, из эта, из, из, из эта, как называются по-русски. Хм. Город из какого? <...> Она троицца, отту-дава. И вот рассказывают. Од-, два жениха одну невесту. Тому надо и этому надо. Девчонка красива. Но и вот. Теперь он это говорит. Всё ж ты человека он, я поехал на работу. Ты меня стретил, меня убил. А когда убивал меня. А ка, это, как называется, колючка, кругла колючка, ветер когда дует, она вот катится по ветрам. Я говорю:

— Колючка, колючка, будь свидетелем.

А ты посмеялся:

— Эх, я тебя убил, ты ещё — колючка тебе. Когда убивал, ты вон говорил.

Но вот, э, так прослучился. Ну, и ладно, дело год прошло. Человека убил. Казна не знат, кто убил человека. Эта человека нашли. А кто убил? Не знают. Так год от году всё прошло. А эта девушка, которая убивовал, он её взамуж. Теперь пошёл за её сговаривать:

— Но чё, взамуж пойдёшь? Я тебе. У тя жениха-то убили, хэ, теперь я, за меня.

Но она то подумат:

— Но как за тебя, ничо не поделаешь.

Но, свадьбу сделали, всё в порядке. У их ребёнок родился. Поехали к отцу-матери в гости, на коне. Запрягли коня, сяли, поехали. Где он убивал, колючку несёт. Ветер дует, колючку несёт. А он убивал когда, он унмонся <усмехнулся — ?>, когда несёт он. Он спросил:

— Хэ-хэ-хэ.

Вот этак:

— Хэ-хэ-хэ.

Что колючка-то говорела что — свидетелем.

А у его эта супруга:

— Ну чё, ты чёта просмехнулся эта? Чё? Чё такое?

— Да так я это, я так.

Э, она ничё не сказала.

— Я, гыт, за тебя вышла, у нас ребёнок уже, чё ты ну просмеялся, но чё-та есь. Ну чё ты боишься, не сознаёшьсе?

Потом он так подумал: «Но это, э, правильно». Сказал, что:

— Вот эта колючка, когда я убивал его, она его ветром несло и он говорит колючке: «Эх, колючка, колючка, будь свидетелем». Вот я просмеялся. А я его потом убил. Но какой свиде-, но?

Но и жена-то вот эта, супруга-то.

— Ха, но это год, всё прошло. Каво?

Оне съездили туды, к етим родителям, погостили и обернулись домой. Немного время его жена в милицию заявила — так-то так, какого году, как чё было. Его забрали. Забрали, но, значит давай его судить. Он ни, ни, ни сознаётся. Но куды ты денешься? Как говорят:

— Ты знашь, когда ты убивал, колючку несло, ты гышь «Будь свидетелем». Кто это говорил?

Он замолчал. Его потом на расстрел. Готово. Вот эта раньше у русских было так, такое дело. Вот это она рассказы-вала [ФК ИМЛИ 2013].

Если верить СУС, то сюжет известен всем восточным славянам, но именно украинские версии наиболее близки к трёхреченской. В них, как и повествовании И. В. Васильева, герой обращается к колючке, которая катится по полю, с просьбой быть свидетелем убийства. Как и в украинских версиях, «трёхреченского» убийцу изобличает его жена. Пожалуй, есть только одна особенность: в известных мне украинских версиях сюжета жена убийцы не имеет никакого отношения к убитому герою. А в «истории» И. В. Васильева она, оказывается, когда-то была его невестой, и убийца лишает его жизни не из-за денег, как в украинских сказках, а желая устранить как соперника в любовном треугольнике.

Трёхреченский текст в плане поведения героев намного логичнее, чем сказки, бытовавшие на Украине. Можно, конечно, восхищаться моральными качествами женщины в украинских версиях сюжета, которая просто не захотела жить с убийцей и отдала мужа под суд, узнав о его давнишнем прегрешении. Но, по большому счёту, с точки зрения бытового сознания, её поведение мотивировано слабо, и действует она, исходя из мифологической логики сюжета, который был известен ещё во времена античности.

И. В. Васильев слышал «историю» от своей тётки Сусаньи. Каких-либо подробностей о ней мы не знаем, кроме того, что она родом или из Сарбагтуя, или из Новотроицка² — посёлков, расположенных недалеко от Балея, где жили старатели,

занимавшиеся мытьём золота. В забайкальской фольклорной традиции сказки на данный сюжет не зафиксировано.

Богатейшая песенная традиция украинцев в фольклорном фонде «китайских русских» практически не сохранилась. Возможно, украинские корни имеет песня «Жил я у пана», записанная в 2007 г. в п. Эньхэ (Караванная) от Василия Шепунова, китайско-русского метиса в первом поколении, 1947 г. р. Но зафиксированный текст ближе к русской языковой версии и мало чем отличается от тех, которые распевали, к примеру, на Урале, в европейской части России (кстати, забайкальских записей мне не известно). Отдельные лексемы могут указывать на всё же изначально украинское происхождение текста. Первый куплет в исполнении Василия прозвучал так (см. Нотировку 1):

*Жил я у Панны на пёрвая лёта.
Падарила Панна кўрачку за ёта.
Мая кўра-курара,
Кура ходит вы двара,
Цыпля водит, кўрачку ласкуит*

Украинскими здесь могут быть слова *кура*, *цыпля*, *ласкует*. При этом исполнитель слово «пан», видимо, не зная его значения, понимал как имя собственное — Панна. Первый раз в нашем присутствии он и запел эту песню, после того как вспомнил о некой Панне, на которой женился брат сватьи. Именно поэтому в первом куплете употреблён глагол *подарила*, хотя в последующих куплетах исполнитель перешёл на форму мужского рода, как того требует поэтический строй песни.

*Подарил мне Панна петуха за это
Мой петух-рогатух, моя кура-курара,
Кура ходит во двора,
Цыпля водит, курочку ласкует.*
[ФК ИМЛИ 2007]

Мы дважды пытались записать песню, но услышать её полностью от исполнителя так и не удалось. Василий, пропев три-четыре куплета, переходил на пересказ её содержания, и, по-видимому, не знал финала, где герой получает от пана девицу (у него всё завершается коровой).

² В разных записях исполнитель называл разные посёлки: Сарбагтуй и «Троицк» (т. е. Новотроицк), откуда была его тетка Сусанья.

$\text{♩} = 120$

1. Жи-л(ы) я у Пан - ны на пёр - ва - я лё - та.
 Па - да - ри - ла Пан - на кú - ра - чку за ё - та.
 Ма - я кú - ра - ку - ра - ра,
 Ку - ра хо - дит вы два - ра,
 Цып - ля во - дит, кú - рач - ку ла - скú - ит.

Нотировка 1³

Пожалуй, единственная «украиноязычная» песня, услышанная от «китайских русских» — это поздняя, вероятно, авторская «Распрягайте, хлопцы, коней». В наиболее полном варианте она была записана от двух сестёр Федоры и Варвары Ушаковых, китайско-русских метисов первого поколения, соответственно 1936 г. р. и 1944 г. р.: см. Нотировку 2. В первой записи Варвара, младшая сестра, плохо знавшая песню, слова подпевала не очень уверенно.

*Расприга́йти, хлопцы, ко́ний,
 Захади́ти пачива́ть.
 А я выйду в сад зилёнай,
 В сад кримлі́чинку капа́ть.
 А я выйду в сад зилёнай,
 В сад кримлі́чинку копа́ть*

*Кóпал, кóпал кримли́чинку
 Ва зилёне́ньким саду.
 Чай не выйди́т дивчеринка
 Утра́м рана по ваду.*

*Вот, ну, вы́шла дивчи́ринка
 Утра́м рана по ваду.
 А за нею каза́ченька
 Виде́т коней на павáл.*

*А за нею каза́ченька
 Виде́т ко́ний на павáл.
 Он прасил, прасил виде́рка
 Ана (й)иму ни дала.
 Он дарил, дарил калечка
 Она (й)иво ни взяла.
 Он дарил, дарил калечка
 Ана (й)иво ни взяла.
 [...]*

*Русы косы да паясы,
 В касе лента галубá.
 Русы косы да паясы,
 В касе лента галубá.*

[Исполнительницы пропели эти строчки как завершающие в музыкальной строфе] [ФК ИМЛИ 2018]

В повторной записи, сделанной через несколько минут, Варвара пела более уверенно, чётче пропевая отдельные слова. Так, в третьем куплете последняя строчка в её исполнении прозвучала — *Ведёт коней напоить*. На что Федора тут же прореагировала, поправила, и между сёстрами произошел диалог:

Федора: *На повал.*
 Варвара: *На повал?*
 Федора: *А дак «поить» — «повал».*
 Варвара: *А!*

³ Здесь и далее нотировки выполнены Л. П. Маховой.

Диалог свидетельствует о том, что Федора понимает значение слова, но понимает, вероятнее всего, из контекста. Как, исходя из контекста, плохо знавшая песню Варвара, при повторном исполнении «перевела» слово с украинского на русский.

Интересно, что исполнив песню, Федора спросила собирателей: «Знашь щчѐ? Э, ета. “А я выйду в сад зелёный. В сад крымличеньку копать”. Какая это — “крымличенька”?» Не вдаваясь в подробности о том, что слово в песне звучит неправильно (в оригинале — ‘криниченька’), мы ответили ей — ‘колодец’. «Колодец? Крымличенькя-то? — переспросила Федора, — О! Но мы не знаем. Я думаю, как ягоду копать тама-ка — крымличенька. “В сад крымличеньку копать”... Ну, вот я не понимаю этого слова. Пою, а не понимаю».

От «канонического» текста песни, известного, в частности, в исполнении Кубанского народного хора под

управлением В. Г. Захарченко, федорин текст отличается отсутствием заливчатского припева про Марусю («Маруся раз, два, три, четыре...»). Впрочем, в комедии «Трактористы» (1939), благодаря которой песня и получила широкую известность в народе, этого припева также нет: его роль, как и в записанных нами вариантах, выполняет повтор двух последних строк куплета — ABCDCD.

По свидетельству исполнительницы, она выучила песню от русских из деревни Светлаково (в настоящее время не существует), с которыми дружили её родители. Теоретически, одним из путей проникновения песни «Распрягайте, хлопцы, коней» в Маньчжурию может быть советский кинематограф. После 1945 года в русские посёлки привозились фильмы, рассказывающие о «жизни» в СССР. Среди них могли быть и «Трактористы». Хотя необходимо отметить, что в самом фильме песня звучит больше фоном — зритель

Одна $\bullet = 90$

Федора

1. Рас - при - гай - ти, хлоп - цы, ко - ний,

Вдвоем

Федора
Варвара

За - ха - дй - ти па - чи - вать.

А я вый - ду в сад зи - лё - най,

В сад крим - ли - чин - ку ка - пать.

А я вый - ду в сад зи - лё - най,

В сад крим - ли - чин - ку ка - пать.

слышит её со слов «А я выйду в сад зелёный...», последние куплеты также сложно разобрать, так как она поётся едущими на грузовике молодыми людьми, и её заглушают шум мотора и разговоры, кроме того, песня затихает с уезжающей вдаль машиной. Но если всё же предположить влияние «Трактористов», то не совсем понятно присутствие в федорином варианте последнего куплета про русы косы. В мелодическом отношении Федорой он пелся на вторую часть музыкальной строфы. Первая часть оказалась забытой. Куплет же мог выглядеть следующим образом:

*Вона ростом невеличка,
Ще й литами молода.
Руса коса до пояса,
В коси лента голу́ба. [Распрягайте...]*

Песня «Распрягайте, хлопцы, коней» была записана не только от Федоры и Варвары Ушаковых. Ещё одна запись была сделана в деревне Покровка от Ольги Кузнецовой, 1936 г. р., китайско-русской метиски в первом поколении.

По словам Ольги, с Украины была её свекровь. И это единственное свидетельство того, что украинское фольклорное произведение было услышано и воспринято именно от этнической украинки. Интересно, что двое из её детей, сын Павел и дочка Женья, с которыми мне удалось пообщаться, называют себя украинцами. При этом языка своих украинских предков они не

знают, как, впрочем, и русского. Порфирий Астафьев, свёкор Ольги, был советским разведчиком. Его выдал кто-то из односельчан, когда они жили в Усть-Урове. Японцы, завязав в мешок, утопили свёкра в Аргуни. Они мучили и свекровь — загоняли под ногти иголки, ломали пальцы, имитировали расстрел — но не убили.

Мать Ольги умерла от тифа, когда ей было 5 лет, поэтому её фольклорный репертуар частично формировался под влиянием свекрови. От неё она и слышала «хохлыцку», как она говорит, песню, которая в первой записи от неё прозвучала так:

*Чай не выйди дивчиринка
Утрам рана воду брать.
А я вею казаченька
Видёт кони на пава́.*

*Утрам рана чуть свиточик
Ведёт коний... (Хохлыцка песня) на пава́.
Бросил, просит дивчиринка... (Как?)
Давай воду...
(Погоди, я опять забыла, но ничё, погоди, потом я сдумаю.)*

Полностью песню Ольга так и не вспомнила. После некоторой паузы, она воспроизвела только ещё один «куплет»:

*(Скраю-та так...)
Заезжайти, хлопцы, кони...
(Потом как-то чай пить, ага.)
Заезжайти, о, чай пить.*

1. За - из - жай - ти, хлоп - цы, ко - ни,
За - из - жай - ти, ча - й(н) пить.
Чай ни до - пил пал - ста - кан - чик
Ви - дёт ко - ний на па - ва́х.

*Чай ни допил палстаканчик
Видёт коней на павáх.*

*Бросил, бросил дивчиринку...
Давай, во-... (Как, каво-та...)
видирирку...
[ФК ИМЛИ 2018]*

Исполнительница, впрочем, не смогла полностью спеть и многие другие песни и собственно из забайкальского репертуара — две-три строчки, максимум два-три куплета. Любопытно, что она всегда сама начинала их напевать по ассоциации с каким-то услышанным словом, фразой. «Хахлыцку» запела после требования племянника, Кости Балябина, налить ей чаю. Она и начала петь про «чай»: *Чай не выйди дивчиринка...*

Когда стало ясно, что целиком песню услышать не удастся, я стал расспрашивать исполнительницу, и у нас состоялся следующий диалог:

— Откуда эта песня такая?

— Нашия. Полукровцев... Погоди, пожалуйста, садитесь. Мне уже восемьдесят пять. Где-то была у меня песня! Хорошо, много я знала. Теперь прожила. Всё, всё забыла.

— А кто её пел? Откуда Вы её знаете?

— Это раньше, раньше было. Моя мать и свекровка всё умела петь эту.

Эта была первая попытка записи песни «Распрягайте, хлопцы, кони» от исполнительницы. И мне казалось, другой возможности не будет. На тот момент уже было понятно, что перед нами её осколки: от текста остался зачин, и в целости — практически только один куплет, звучащий, к примеру, в исполнении Кубанского народного хора под управлением В. Г. Захарченко так:

*Вышла, вышла дивчинонька
Рано в ранци воду брать,
А за нэю козаченька
Ведэ коня наповать.*

В исполнении Ольги, как и сестёр Ушаковых, песня звучит протяжно, в ней отсутствует залихватский куплет про Марусю, но самое интересное, что исполнительница вставила в неё строчки из песни про Ваню, известной и в Забайкалье, и у «китайских русских» в Трёхречье.

К примеру, два её куплета были записаны в Эньхэ от Анны Первоухиной, китайско-русской метиски 1953 г. р. во втором поколении (см. Нотировку 4):

*Сидит Ваня на дивáни,
Чай гарячай распивáл.
Сидит Ваня на дивáни,
Чай гарячай распивáл.*

*Полстаканчика ни дбпил,
За дивчбнашкой послаешь, да.
Палстакáнчишка ни допил,
За дивчбнашкой паслáл.
[ИМБТ 2010]*

Так получилось, что через день мы снова встретились с Ольгой. И во время небольшого застолья один из «китайских русских», Александр Первоухин, родной брат Анны Первоухиной, гармонист, обладающий красивым баритоном, вдруг пропел начальную строчку песни: *Сидит Ваня на диване, чай горячий распивал.*

На что Ольга, задумавшись, сказала: «“Сидит Ваня на дивани”... Будта умела раньше, но теперь не могу». А затем неожиданно запела:

*Распригайти, хлопцы, кони.
Заезжайте чевать.
Чай ни вытил палстаканчик
Видит, видит...
Выйдит коний на павáх.
[Напев как в нотировке 3]
(Эта — хахлыцка.)*

(Потом:)
*Просил, просил дивидирирка.
Она иму ни дала.*

[Исполнительница пропела эти две строчки, как завершающие в музыкальной строфе]

*Знаю, знаю дивчирирка,
Чем же тибя аграсти.
Шёл вечорась из вечорки,
Я другую справадил.*

Украинскую песню, услышанную от свекрови, Ольга заучила механически. Именно этим объясняется коверканье слов: *видирирка / дивидирирка* — вэдэрэчко; *аграсти* — огорчить; *а я вею* — а за нэю; *на павáх / на павá* — наповать. Что касается последнего примера, то в её исполнении

$\bullet = 82$

1. Си - дит Ва - ня на ди - ва - ни,
Чай га - ря - чай рас - пи - вал.

Си - дит Ва - ня на ди - ва - ни,
Чай га - ря - чай рас - пи - вал.

2. По - л(ы) - ста - кан - чи - ка ни до - пи - л(ы),
За див - чо - на - шкай па - сла - ешь, да.
Пал - ста - ка - нчи - шка ни до - пил,
За див - чо - на - шкай па - слал.

Нотировка 4

особенно ярко видно, что у «китайских русских» собственно украинский глагол 'наповать / напувать' (напоить) приобрёл форму существительного с предлогом: *на павал / на павах / на пова*.

Вообще, можно было бы, ограничиваясь этим, сказать, что перед нами текст, который не достоин какого-либо внимания. Но повторная запись показывает, что включение в песню строчки из «Вани на диване», — не случайная импровизация, а устойчивый элемент данной версии песни. Кроме этого, повторная запись позволяет восстановить строки, как казаченько просит девицу дать ему ведёрко, которые при первом исполнении были пропеты фрагментарно. И здесь важна разница с «каноническим» текстом,

которая состоит в том, что в нём строчки «Просыив, просыив ведэрэчко / Вона ему нэ дала» поются в начале музыкальной строфы, в версии же Ольги — в конце. Сопоставление двух исполнений позволяет реконструировать куплет с этими строчками. Возможно, он звучал так:

*Утрам рана чуть цветочик
Ведёт коних на пава.
Просил, просил видиринку.
Она иму ни дала.*

Необходимо принять во внимание ещё и отсутствие припева про Марусю, и поэтому перед нами, конечно же, не мужская казачья походная, а девичья лирическая песня.

Всё вышесказанное подчёркивает оригинальность трёхреченской версии «Распрягайте, хлопцы, кони», которая сформировалась в Китае, но процесс этот мог начаться ещё и в Забайкалье. Неслучайно Ольга вместо второй строчки песни, где хлопцам предлагается отдохнуть, поёт *Заезжайте чеватвь*. В Забайкалье первое, что предлагается гостю, это — «выпить чаю». И так принято, что хозяева не только угощают чаем, но и выставляют на стол всё, чем богаты и что есть на тот момент в доме: холодные закуски, огурцы, помидоры, сметана и проч. Трёхреченцы, потомки забайкальцев, сохраняли этот обычай гостеприимства и в Китае.

Согласно одному из преданий, создание песни «Распрягайте, хлопцы, кони» приписывается махновцу Ивану Негребецкому. Произошло это якобы в 1919 году прямо в самом Гуляйполе. Могла ли после этого песня попасть в 1920-е годы в Забайкалье, а затем и в Китай? Теоретически да, и не только с этническими украинцами, так как малороссийские авторские поздние песни знали, любили, пели и этнические русские, чему способствовали близость языка, общность культурных традиций и исторической судьбы. Опираясь только на текст, отрывочные сведения исполнителей, невозможно восстановить «докитайскую» историю бытования трёхреченских вариантов и версий. Достоверное время их появления в Маньчжурии — не позже 1931 г. Нельзя забывать, что в 1920-е гг. ещё была относительно открыта граница, и была возможность «уйти в Китай», которой, хотя и с риском

для жизни, воспользовалось немало жителей Забайкалья.

В научных публикациях фольклора Восточного Забайкалья известна пока только одна запись песни «Распрягайте, хлопцы, кони». Она была сделана В. П. Зиновьевым в с. Бори Сретенского р-на⁴ Читинской обл. в 1979 г. от К. К. Дружининой, 1908 г. р. [Зиновьев 2006: 154]. Текст представляет собой более полный вариант, чем трёхреченские, припев о Марусе в нём также отсутствует. Сопоставление показывает, что ближе всего к нему вариант, спетый сёстрами Ушаковыми. Одна из особенностей сретенского текста в том, что последний куплет — это спетая на мотив песни частушка:

*Не руками сено косят —
Косит вострая коса,
А не девка парня губит —
Губит девичья да краса.*

Контаминация с частушкой свидетельствует о достаточно долгом бытовании песни на забайкальской земле.

Ещё одно украинское музыкальное произведение, с которым встречаешься в Трёхречье, — это мелодия песни «Реве та стогне Дніпр широкий». «Китайские русские» очень любят эту «русскую» — как они считают — песню, распевая на её мотив китайский текст, не имеющий никакого отношения к оригиналу — стихотворению Т. Г. Шевченко. В блокноте Ирины Николаевны Громовой, одной из китайско-русских метисок первого поколения, 1942 г. р., жившей в городе Эргуна⁵, этот текст выглядит следующим образом:

Текст песни

Подстрочный перевод⁶

在乌克兰辽阔的原野上，
在那清清的小河旁，
长着两棵美丽的白杨，
这是我们亲爱的家乡；

На просторах Украины,
У чистой реки,
Растут два красивых тополя,
Это наш любимый родной край;

比得留朗凶恶的匪帮，
开进我们亲爱的家乡，
乌克兰原野变成了战场，
白杨树叶飘落地上；

Петровские бандиты
Ворвались на наши родные земли,
И стали украинские просторы полем битвы,
Листья тополя разлетелись по земле;

⁴ Известно, что на приисках района когда-то работали китайцы, выходцы с Украины, и отсюда также происходила эмиграция в Китай в 1920-е гг.

⁵ Ирина Николаевна была уникальным человеком. О ней подробнее см. [Забяко 2017]. Она ушла из жизни в июле 2018 г.

⁶ Перевод текста А. А. Острогской.

我们都是战斗的青年，
我们不怕任何困难，

Все мы — военная молодёжь,
Нам не страшны напасти,

年老的父亲忍住了悲伤，
他把儿子送上战场，
宁死不做奴力和牛羊，
要和敌人血战一场；

Старый отец, терпя горе,
Отправил сына на бой,
Лучше погибнуть, чем попасть под гнёт и стать скотиной,
Мы вступим в кровопролитный бой с врагом;

我们都是战斗的青年，
我们不怕任何困难，
伟大的列宁领导我们前进，
我们永远走向光明。

Все мы — военная молодёжь,
Нам не страшны напасти,
Великий Ленин ведёт нас вперёд,
Отныне и на века мы идём на свет.
[ФК ИМЛИ 2018]

Откуда он был списан и кто автор, Ирина Николаевна, к сожалению, сообщить не смогла. Во время полевых исследований мы неоднократно фиксировали исполнение песни, но ни разу в полном виде — один, максимум два первых куплета. Вариативности с текстом из блокнота И. Н. Громовой обнаружено не было.

Как видим, китайская песня на мотив «Ре́ве та стогне Дні́пр широкий» относится к разряду песен о войне. При этом, вероятнее, о Гражданской войне, чем о Великой Отечественной, так как украинская молодёжь, которую ведёт вперёд Ленин, сражается на просторах Украины с «петровскими бандитами», а не с фашистами. Наверное, нет смысла искать исторический прототип предводителя этих бандитов, но интересно, что последним лидером Белого движения в России, который как раз и воевал на территории Украины, был Пётр Врангель. Образ Украины, который предстаёт в песне, говорит о том, что неизвестный автор знал о ней не понаслышке. Учитывая его возможную принадлежность к Красной Армии, следует исключить ранее трёхреченское происхождение текста, так как до 1945 года это была территория, где преобладали антисоветские настроения. Скорее всего, песня пришла в Трёхречье довольно поздно, а автором мог быть кто-то из китайских участников Гражданской войны в России, вернувшийся в своё время на родину в Китай. Известно, что в рядах Красной Армии за власть Советов воевало достаточно много китайцев: они были во многих соединениях, в том числе и в составе

тех, которые вели боевые действия на территории Украины, в частности, в составе дивизии под командованием Н. А. Щорса.

Приведённая песня не имеет никакого отношения к украинскому фольклору, и более того, в представлении китайских метисов она является русской народной песней. Но мы посчитали необходимым всё же упомянуть её в данной статье, в связи с тем, что и мелодия, и содержание текста связаны с культурой и историей Украины, и по факту песня вошла в фольклорный репертуар трёхреченских «китайских русских».

На украинский пласт в фольклорной традиции забайкальцев одним из первых обратил внимание В. П. Зиновьев. В подготовленном им к изданию, но вышедшем уже после его ухода из жизни сборнике «Русские песни Восточной Сибири» (науч. ред. Ю. И. Смирнов) в отдельный раздел выделены «Песни украинского происхождения» (22 текста). Н. Л. Новикова, автор предисловия, сопроводила его текстом: «Завершает сборник раздел песен украинского происхождения, без которого представление о бытовании народной песни в Восточной Сибири не может быть полным. Значительная часть населения этих мест — переселенцы, в том числе из западных областей России и Украины. “Западные” песни здесь издавна любимы (в картотеке их насчитывается около 160), причём с подлинными украинскими песнями бытуют и их версии на русском языке» [Зиновьев 2006: 14].

На украинские элементы можно указать также в хореографии Забайкалья

⁷ Из этого общего числа 21 песня была записана в Восточном Забайкалье (в Сретенском, Шилкинском, Газимурозаводском, Нерчинском, Карымском, Шелопугинском районах Читинской области), и 1 — в Иркутской области.

и русских китайского Трёхречья (танец «Кабачок»); в семейной обрядовой традиции (например, свадебный обычай рвать одежду на родителях жениха на второй день свадьбы); в обычаях, приуроченных к народному календарю (традиция повешивать пелены на кресты, установленные на крестовых горах, при посещении их на Вознесение, Девятую Пятницу и другие праздники) — см. [Кляус 2015: 162–176]. У каждого из них своя история, своя эволюция, являющаяся результатом формирования населения Забайкалья, в котором, образно выражаясь, «ручeёк»

с малороссийских и западнорусских регионов, уже с XVIII века вливался в севернорусские, южнорусские и урало-сибирские переселенческие потоки. При этом получалось так, что какой-то фольклор, принесённый с украинских земель России, закреплялся в забайкальском фольклорном фонде, а какой-то нет, или вообще «прошёл» мимо него. И именно в Барге, в Трёхречье отдельные украинские сюжеты и тексты получили возможность длительного бытования, став фактом локальной устно-поэтической традиции русского и китайско-русского населения региона.

Принятые сокращения

ИМБТ — Архив отдела фольклора и литературы Института монголоведения, буддологии и тибетологии БНГЦ СО РАН

ФК ИМЛИ — Фольклорная коллекция отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

РГГУ — Архив полевых исследований Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета

Источники

Анучин 1948 — Анучин В. А. Географические очерки Маньчжурии. М., 1948.

Жернаков 1975 — Жернаков В. Н. Трёхречье. Окленд, Калифорния, 1975.

Зиновьев 2006 — Русские песни Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Иркутск, 2006.

Кайгородов 1995 — Кайгородов А. Трёхречье // Казачья доля. Чита, 1995. С. 101–106.

Климова 1983 — Климова М. Н. Повесть об Андрее Критском и фольклор: (некоторые аспекты сопоставительного анализа) // Руко-

писная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 27–38.

Распрягайте... — Распрягайте, хлопцы, коней. // Электронный ресурс: Казачья музыка. Записи песен. История хоров. URL: <http://cossacksmusic.ru/raspryagajte-xfopczyi-konej.html>

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / под ред. Л. Г. Баррага. Л., 1979

Литература

Забяко 2017 — Забяко А. П., Забяко А. А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017.

Кляус 2015 — Кляус В. Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015.

Климова 1983 — Климова М. Н. Повесть об Андрее Критском и фольклор: некоторые аспекты сопоставительного анализа // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 27–38.

Наземцева 2010 — Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Сынцзяне. Барнаул, 2010

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кляус В. Л. orcid.org/0000-0002-8147-3090

Доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, главный редактор научного альманаха «Традиционная культура»: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел. +7 (495) 690-50-30; E-mail: v.klyaus@mail.ru

UKRAINIAN FOLKLORE AMONG MANCHURIA CHINESE OF RUSSIAN ORIGIN

VLADIMIR L. KLYAUS

(Institute of World Literature named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *The paper deals with folklore texts of Ukrainian origin recorded by the author from Chinese people of Russian origin living in the Ergun city of Hulunbuir aimak of the Inner Mongolia Autonomous Region of the PRC – the territory that has been called historically “Trehrechie” (Interfluvium of three rivers) in Russian.*

According to memories of elderly Chinese-Russian half-casts and Russian population of Trehrechie villages established by Transbaikalia Cossacks, and townships along the Chinese Eastern Railway, there was a time when ethnic Ukrainians lived there.

Today Chinese Russians are officially acknowledged as one of the minorities in PRC. Chinese Russians' folklore shows a few examples clearly derived from Ukrainian oral tradition: fairy-tales, legendary narratives, and songs as well as some elements in family and calendar ceremonial rites. These examples prove that bearers of Ukrainian folklore (people who moved from Novorossia to Chinese boundary regions and then to China) did take a part in Chinese Russians' ethnogenesis.

Keywords: *China, “Trehrechè” (Interfluvium of 3 rivers), Manchuria, Chinese Russians, Ukrainian folklore, fairy tales, legendary stories, songs.*

Acknowledgements. *This paper is financially supported by grant of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-04-00493 “Russian folklore in Chinese language of the Northern Manchuria: Studies and texts”.*

References

Zabiyako A. P., Zabiyako A. A. (2017) *Russkie Trehrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti*. [Russians in Trehrechye: basis of ethnic identity]. Novosibirsk. In Russian.

Klyaus V. L. (2015) “*Russkoe Trehrechè*” *Man'chzhurii: Ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury* [The “Russian Trehrechè” in Manchuria: Essays upon folklore and traditional culture]. Moscow. In Russian.

Klimova M. N. (1983) *Povest' ob Andree Kritskom i fol'klor: nekotorye aspekty sopostavitel'nogo analiza // Rukopisnaya tradiziya XVI—XIX vv. Na Vostoke Rossii*. [The story about Andrey Kritskiy and the folklore: some aspects of comparative analysis]. Novosibirsk. Pp. 27–38. In Russian.

Nazemceva E. N. (2010) *Russkaya emigratsiya v Sin'tsziane* [Russian emigration to Xinjiang]. Barnaul. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Klyaus V. L. orcid.org/0000-0002-8147-3090

E-mail: v.klyaus@mail.ru

Full Professor (Philology), Head of Folklore Department,
Institute of World Literature named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation
Tel. +7 (495) 690-50-30
